

УДК 342.597

Серегин А.В.*

ЮРИДИЧЕСКАЯ КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ

Серегин А.В. Юридическая критика современной теории демократии. – Статья.

В статье анализируются слабые стороны теории демократического государственного режима. Автор приходит к выводу, что демократия в чистом виде не возможна, а потому утопична. Следовательно, на её место должна прийти новая система ценностей, определяющих развитие государства и общества.

Ключевые слова: демократия, власть, правовое государства, выборы, народ.

Seregin A.V. The juridical critic of the democracy modern theory. – Article.

In the article the weak sides of the democratic state regime theory are analyzed. The author comes to the conclusion that the democracy in its pure form is impossible and that's why – it is utopian. Consequently it must be substituted by a new system of values that define state and society development.

Keywords: democracy, power, law state, elections, people.

Seregin A.V. Юридична критика сучасної теорії демократії. – Стаття.

У статті аналізуються слабкі сторони теорії демократичного державного режиму. Автор робить висновок, що демократія в чистому виді не можлива, а тому утопічна. Отже, на її місце повинна прийти нова система цінностей, що визначають розвиток держави та суспільства.

Ключові слова: демократія, влада, правова держава, вибори, народ.

Современная западноевропейская юридическая наука венцом политического прогресса провозглашает демократию, принцип разделения властей и правовое государство. Более того, иные доктрины публичного развития человечества отвергаются без должного анализа, а попытки критики сложившихся стереотипов научного мышления вызывают воинственное негодование.

Вместе с тем, истории человечества известны глобальные развенчания, казалось бы, устоявшихся доктрин, например, естественнонаучная революция Коперника и т.д.

Поэтому, для достижения истины, любой исследователь обязан скептически анализировать имеющиеся у него в распоряжении выводы и гипотезы, особенно в сфере общественнознания.

Скептицизм (от греч. *skeptikos* – рассматривающий, исследующий) – философское направление, выдвигающее сомнение в качестве принципа мышления, особенно сомнение в надежности истины [1, с. 417]. В рамках данной методологии следует выявить слабые стороны демократии, правового государства и принципа разделения властей, помня, что в мире нет ничего

---

* Серегин Андрей Викторович – доцент кафедры теории и истории государства и права, Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

вечного, неизменного, универсального и совершенного.

Ключевыми недостатками демократии является целый ряд обстоятельств.

Во-первых, независимые средства массовой информации, как правило, попадают под влияние «денежных кошельков», обеспечивающих их функционирование. Это открывает прямую дорогу во власть олигархии.

Во-вторых, победа на выборах напрямую связана с количеством средств, затраченных на предвыборную кампанию, что автоматически лишает малоимущих претендентов каких либо шансов на достижение успеха в политической борьбе.

В-третьих, практически всегда не все имеющие право голоса участвуют в выборах, поэтому приходится признавать их легитимность при явке избирателей не многим более половины (50% + 1голос), а во втором туре, если он проводится, и того меньше (1/4 или 1/5 голосов обладающих активным избирательным правом). Таким образом, победитель получает поддержку меньшинства населения страны. А.А. Башмаков, анализируя парламентские учреждения на рубеже XIX-XX веков, писал: «Нет более ложного начала, как преклонение перед решением большинства. Уже представительство – вместо непосредственного участия всех граждан, – содержит в себе фикцию, легко подменяющую волю народа волей его представителей [2, с. 180]. Применение начала большинства в дальнейших действиях этих представителей отдаёт нередко судьбу всей страны в руки лиц, представляющих из себя ловко организованное меньшинство. В стране об-

разуется особый класс людей, в среде которых культивируется политиканство, людей праздных, с низменными традициями, людей, оторванных от производительного труда и утративших всякое представление о высшем идеале служения благу государства и народа. Усиливается в этой среде главным образом одно качество: ловкость в одержании верха и проведении своих людей посредством самого механизма политического голосования» [2, с. 180].

В-четвертых, легитимность важнейших демократических процедур – референдума и выборов, – легко может быть поставлена под сомнение. Дело в том, что «закон, по которому вопрос об общем благосостоянии решается мнением большинства, не может покоиться на том же основании, на котором зиждется это благосостояние; он нуждается в другом, более широком голосовании, а именно в голосовании всех» [3, с. 400]. Плебисцит, охватывающий лишь ныне здравствующих, – паллиативен. Чтобы выдать его итоги за достоверные, надо убедить себя, а главное – других, в объективно меньшей значимости прошлых эпох. Поэтому «демократическое правительство не в состоянии решить ни один сколько-нибудь серьёзный вопрос, так как никогда не сможет заручиться необходимой для этого поддержкой граждан. Ведь для подлинно законного решения в данном случае требуется испросить мнение не только всех живущих, но и ушедших и будущих поколений» [4, с. 90].

В-пятых, систематическое лоббирование корпоративных интересов финансово-промышленных групп в парламенте превращает государ-

ственную власть в рынок общественных услуг, развивающий до невиданных размеров политический цинизм.

В-шестых, при демократическом политическом режиме гарантируется юридическое равенство прав и обязанностей граждан, в то время как реальные возможности индивида продолжают прибывать в зависимости от благосостояния семьи, в которой он родился. Это порождает фактическое неравенство первоначальных возможностей людей.

В-седьмых, «демократический выбор заведомо дает преимущество менее достойному кандидату. Из двух претендентов на освободившуюся должность – благородного человека и законченного негодяя, примерно равных во всех прочих отношениях (знания, талант, опыт), – почти наверняка победит негодяй» [5, с. 167]. Ибо «в борьбе за вакантный пост он будет совершенно спокойно применять недозволённые приемы: лгать, клеветать, обещать невозможное, т. е. делать все то, что порядочный человек себе никогда не позволит. Таким образом, шансы подлецов всегда выше, и в результате этой фильтрации происходит закономерное насыщение властных структур негодьями» [5, с. 168]. Однако и при самом благоприятном исходе выборов остается немало проблем. В случае попадания во властные структуры достойного человека сам он оказывается в двусмысленном положении. Даже предположив возможность полного и постоянного совпадения рационально просчитываемых интересов депутата и его избирателей, нелепо твердить о единении их до конца. Так чью же волю должен утверждать народный избран-

ник? Если свою, – то он будет нечестен перед людьми, делегировавшими ему собственные полномочия, и перед демократической системой, вознесшей его на вершину политической пирамиды. Если электоральную, – то он предстанет нечестным перед самим собой. Но это вовсе не соблазнительно, а даже унижительно для настоящей личности [5, с. 168].

Следовательно, прав был И.Л. Солоневич, когда писал, что «демократический строй правления основан, прежде всего, на вранье. Он врёт о свободе конкуренции, которая скована гигантскими трестами и монополиями. Он врёт о свободе печати, которая скуплена теми же трестами и банками. Он врёт о народной воле, ибо им руководит капитал. Он врёт о свободе этой воли, ибо эта воля определяется тиражами демократических газет, находящихся в обладании у анонимного капитала» [6, с. 61].

Вместе с тем, благодаря демократической риторике, политики ухитряются вдолбить в сознание людей мысль, что, рискуя собой, они защищают первоначально народные интересы, хотя сами всегда остаются в тиши уютных кабинетов, в пределах которых реализуются сугубо корыстные интересы [5, с. 169].

По этому поводу В.П. Горегляд сказал: «... в современной модели общественного устройства от демократии остается только титул, которым весьма успешно манипулируют правящие круги. Любого рода революционные движения, выдвигающие в качестве конечной цели достижение реальной демократии, приводят, как правило, к фальсификации этой цели после прихода к власти, поскольку победы ре-

волюций заканчиваются переделом собственности и власти и приводят к становлению нового правящего слоя на старых, веками апробированных политических принципах ограничения демократии» [7, с. 30].

В теоретическом плане концептуальные противоречия демократии усугубляются тем фактом, что идеологи народоправства зачастую заявляют о невозможности воплощения реальной политической свободы в обществе. Так, Ж.-Ж. Руссо отмечал: «если брать этот термин в подлинном его значении, то никогда не существовало подлинной демократии и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами. И легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась форма правления» [8, с. 225]. Обусловлено это следующими обстоятельствами.

1) Для демократии требуется «государство столь малое, чтобы ... можно было без труда собирать народ, и где каждый гражданин легко мог бы знать всех остальных» [8, с. 225].

2) Свободное общество должно характеризоваться большой простотой нравов, предотвращающей «скопление дел и возникновение трудноразрешимых споров» [8, с. 225].

3) Государственная власть демократична лишь там, где существует не только юридическое, но и имущественное равенство, а это невозможно [8, с. 225]. Следовательно, говоря словами А.И. Герцена, «демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет неле-

постью после смерти последнего врага; демократы знают, чего они не хотят, чего они хотят, не знают» [9, с. 251].

Общеизвестный лозунг демократии: «Власть народа, посредством народа и в интересах народа», столь же мифичен, как заявление о необходимости обобществления всех сфер человеческой жизни (интимной, материальной, духовной и т. д.). Говоря иными словами, к государственному механизму не применима идея бесхозного добра, не имеющего конкретного хозяина, но принадлежащего всем и каждому, кто к нему приложит свою волю.

Поэтому «государственная власть никогда не была и не будет полностью властью народа и для народа. Но она и не может всецело действовать против народа, не учитывая хотя бы минимальные его интересы, не создавая видимость удовлетворения народных интересов» [10, с. 10].

Для наилучшего правления Т. Карлейл рекомендовал: «Отыщите человека, самого способного в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтить его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакая избирательная урна, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не улучшит положение такой страны ни на йоту» [11, с. 160].

Наряду с этим, концепция построения правового государства, разрабатываемая и воплощаемая на практике два предшествующих века, не смогла монополизировать титул последнего и единственно верного эталона политического существования цивилизованного мира [12, с. 118]. По данным

статистических исследований за 1999 год в Западной Европе всего 37 % населения верило в реальность демократии и ее институтов, а в Японии, как и в России, – лишь 3 % [13, с. 111].

Следует отметить, что такое общественное мнение не есть показатель случайного негативного отношения к современным учреждениям политической власти, ибо реальное построение правовой государственности развеяло мифы о благоденствии и процветании народа. Так, декларирование формального равенства перед законом и свободы договорных отношений для массы рабочих означали лишения их средств производства. Ведь главный интерес предпринимателя состоит в получении максимальной прибыли, а наемного работника – в росте заработной платы как единственного источника существования и возможности создания семьи. Из-за этого рабочий всегда находится в зависимом положении от работодателя, который старается по максимуму эксплуатировать его физическую силу и интеллектуальные способности.

Кроме того, индустриализация разрушила традиционные социальные группы (сословия, гильдии, сельские общины, патриархальные семьи) и связанные с ними виды взаимопомощи. Поэтому видимое приумножение богатства буржуазии сопровождалось столь же катастрофическим обнищанием и симптомами духовного и морального упадка рабочих (болезни, антисанитарные условия городского быта, преступность, массовый алкоголизм и т.д.) [14, с. 167]. Либеральный индивидуализм породил личность, стремящуюся к самоутверждению за счет других лиц, невзирая на приемы

и способы, нередко не совместимые с требованиями морали [15, с. 120].

Наряду с этим, великая экономическая депрессия 1929-1939 гг. обнаружила ошибочность взглядов сторонников либерального рынка, верящих в способность спроса и предложения товаров и услуг восстанавливать равновесие в перераспределении внутренних ресурсов государства. На практике предпринимательская конкуренция породила монополии, которые причиняли ущерб общественным интересам, выкачивая последние гроши у простых обывателей, способствуя росту неравенства доходов населения и складыванию антагонистических социальных групп [16, с. 292]. По существу, правовая государственность оказалась не способной разрешить проблемы экономической дифференциации общества, порождающей материальные контрасты в повседневной жизни индивидов, которые в свою очередь ограничили широкие слои народа в возможностях реализации прав и свобод человека и гражданина. Концепция господства права над различными классами, властями, племенными и иными кланами обосновала мираж, скрывающий власть буржуазии над обществом [17, с. 138]. Следовательно, американский либерал Ф.А. Хаек ошибался, утверждая, что «любая политика, прямо нацеленная на... распределительную справедливость, должна привести к уничтожению господства права» [18, с. 3], скорее наоборот, следование исключительно букве закона породило наивысшую несправедливость. По мнению А.И. Овчинникова и А.А. Тащияна, произошло это не случайно, а вследствие абсурдности основной идеи правового государства,

согласно которой власть сама себя связывает нормативными предписаниями, хотя в действительности, – полагают они, – самоограничение возможно лишь зовом нравственного сознания называемого совестью [19, с. 65]. Законы правового государства «составляются для того, – пишет Г. Дебор, – чтобы их могли обойти те, у кого есть для этого все средства. Незаконность в определенных обстоятельствах ... служит лишь дополнительным резервом экономических манипуляций, которые оказываются из-за этого еще более рентабельными» [20, с. 163]. Либеральные порядки порождают ярмарку посредственностей, с ее неслыханным развратом и поступательным уничтожением культуры [5, с. 164]. Ведь «Цицерону не обязательно отрезать язык – мыслителя и оратора достаточно лишить слушательской аудитории, не допуская до электронных СМИ. Копернику не обязательно выкалывать глаза, – утверждает А.Н. Фатенков, – его рабочий телескоп легче приватизировать. Шекспира не обязательно побивать камнями – мизерные тиражи его книг выгоднее утопить в море разрекламированной псевдолитературной белиберды. И не придерешься – все по закону!» [5, с. 164]. Происходит это из-за кризиса современного правосознания убежденного в том, что превращение политических отношений в правовые есть единственный способ усовершенствования государства.

Вместе с тем, данный подход упускает из виду нравственный способ улучшения публичного господства, ибо в «истинно совершенном государстве, кроме права, должны господствовать также и чисто моральные силы ...

любви, дружбы, солидарности, жертвенности, служения и подвига. Если бы возможно было полное, доходящее до отождествления, проникновение государства правом, – пишет Н.Н. Алексеев, – то все эти нравственные силы поистине были бы обречены на полное угасание. И это было бы в то же время угасанием государства, превращением его или в состояние принудительной тюрьмы, или в состояние неорганизованной анархии. Кто этого не желает, кто стремиться в процессе проникновения государства правом сохранить все же политический характер государственного властвования, тот неизбежно должен признать, – по мнению Н.Н. Алексеева, – что помимо правовых, живут еще нравственные силы и что политический идеал есть не только правовой, но и нравственный» [21, с. 201]. Следовательно, «думать, что пропитанное правом общество и государство являются образцом социального совершенства – «земным раем», – продолжает он, – может только тот, кто мало уясняет, что такое общество, государство и право» [21, с. 202].

Кроме того, любимый всеми либералами принцип разделения властей, не является синонимом прогресса и гуманизма.

По мнению А.Н. Пилипенко, принцип народного суверенитета вообще не согласуется с концепцией разделения властей, потому что вся власть в государстве исходит от одного субъекта – народа [22, с. 198]. Реальное же разделение власти существовало лишь в Древнем Риме, где народ в Комициях принимал законы, аристократы в Сенате их одобряли, а магистраты (консулы, преторы и т.д.) – исполняли правовые

предписания [23, с. 78]. Поэтому теоретически точно сущность специализации государственных органов определял Г.Ф. Шершеневич, утверждая, что «законодательство, исполнение (управление) и суд – это не три ветви власти, это только три формы проведения единой, неделимой государственной власти или как выражаются, три функции власти» [24, с. 34].

Вместе с тем, для управляемости государством важно не столько разделение власти и система взаимных сдержек и противовесов, сколько установление необходимых взаимосвязей, взаимодействия, взаимосогласованности в работе всех частей государственного механизма [25, с. 16].

Особо следует отметить, что идеал правового демократического государства, выражающий абсолютизацию ценностей по защите прав человека, не может не предполагать изъятия суверенитета и внешнего силового воздействия на правительство страны в том случае, если оно не желает себя связывать международным правом. В этом плане либеральная концепция правовой государственности космополитична и является промежуточной на пути к идее планетарного государства, глобальной федерации, что вызывает вполне справедливые опасения по поводу национальной безопасности любой державы. Примечательно, но именно республиканские США, провозглашающие себя «непогрешимым оплотом демократии» проводят агрессивную политику военного вмешательства по всему миру, пытаясь установить выгодный для себя универсальный порядок либеральной диктатуры, об опасности которой предупреждал еще Н.Н. Алексе-

ев. «Вселенская власть, – писал он, – поставленная во главе планетарной федерации, будет чудовищем силы, превыше которого не может уж стоять никакой другой властный союз» [26, с. 604]. Никакими внешними, правовыми гарантиями невозможно уберечь от произвола международную власть. К чему может привести эта страшная машина по защите прав человека, демонстрирует история постбиполярного мира (уничтожение войсками НАТО Югославии, оккупация Ирака и Афганистана Соединенными штатами и их союзниками и т. д.). И наивно полагать, что международное правительство будет демократичным: слишком различны отдельные государства по своей мощи, чтобы можно было говорить о равенстве.

Доминирующее положение в мире США после окончания холодной войны многими воспринимается как наступление «новой американской эпохи», которое даёт возможность сделать новое столетие благоприятным для американских принципов и интересов. Эта политика основана на принципе «у государства Америки есть интересы, но нет принципов» [27, с. 198].

Дж. Сорос в книге «Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь» [28, с. 84] в обобщённом варианте формулирует доктринальные положения политики США следующим образом: «международные отношения строятся на основе силы, а не закона; сила доминирует, а закон признаёт то, что доминирует. Соединённые Штаты, безусловно, доминирующая держава... следовательно, у них есть право навязывать свои взгляды, интересы и ценности миру» [28, с. 18]. Причём это

«мессианское шествие» американских интересов, системы ценностей и институтов основывается практически на «религиозной вере» в святость и непогрешимость её политико-правового устройства. «Принятие американских ценностей, – продолжает Д. Сорос, – должно пойти миру на пользу, поскольку американская модель доказала своё превосходство» [28, с. 18]. И далее отмечается, что США «не может ограничиться преследованием лишь собственных узких национальных интересов. Ради собственного блага американцы обязаны заботиться также о благополучии остального мира, ибо только Соединённые Штаты в состоянии осуществить системные изменения. Если кто и способен поддержать мировой порядок, то только США» [28, с. 35].

Предлагаемое нам будущее человечества в рамках неолиберальной модели глобализации А.Г. Дугин описывает следующими принципами [29, с. 442]:

1) мондиализм, планетарная унификация государств, народов, культур в социальном, экономическом, политическом смысле. Создание мирового государства и мирового правительства;

2) атлантизм – стратегическая доминация Запада, распространение западной социально-политической матрицы (либеральной демократии) на весь мир, превращение вооружённых сил США в мирового жандарма;

3) переход к «финансовой экономике» («новой экономике», «неоэкономике», «турбокапитализму», «экономике постиндустриального общества») как последней и наивысшей стадии развития рынка, при которой электронно-биржевые спекуляции важнее реального производства;

4) реальная доминация капитала, направленная на поглощение им труда и превращение его в пассивный объект;

5) концепция «богатого Севера, бедного Юга»: неравномерное распределение центров финансового, политического, экономического и стратегического контроля в пользу развитых стран – США и Западной Европы, вынесение индустриального производства, центров добычи и переработки ресурсов в «третий мир»;

6) концепция «золотого миллиарда». В сложной ситуации нового мира после «конца истории» выжить сможет не всё человечество, но только его высоко развитая технологическая часть, а также региональная, экономическая и политическая элита, сумевшая интегрироваться в мондиалистский «истеблишмент»;

7) тотальная автономизация человечества – всеобщее смешение отменяет существующие расы и нации, разрушает религии, любые коллективные ансамбли. Все люди становятся неопределённой расы, без исторических корней, культуры и т. д. Индивидуализм и нарциссизм – главные ориентиры населения;

8) «юнисекс» – полное уравнивание полов между собой, легитимация педерастии и трансгендерных операций, признание гомосексуальных браков;

9) геновая инженерия – создание квазичеловеческих существ и биомутантов;

10) всеобщая информатизация и виртуализация пространства. Перевод деятельности в сетевую виртуальную сферу коммуникаций;

11) «новое кочевничество» – отрыв индивидуума от национальной терри-

тории, отсутствие виз, таможенного контроля, перманентная иммиграция;

12) индивидуальный номер – кредитная карта, телефон, паспорт, налоговый номер;

13) пацифизм – вместо национальных армий – мировая полиция, противодействующая экстремизму и терроризму.

Из этого следует, что либеральная идея правового, демократического государства, построенного на основе принципа разделения властей, не отвечает требованиям справедливого общества, признающего главным критерием своего существования совесть и взаимопомощь. Поэтому она должна быть заменена патриотической идеологией социального гуманизма.

Список использованных источников

1. Философский энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 2001. 576 с.
2. Башмаков А. Народовластие и государева воля : [Статья об истории России] / А. Башмаков; Подгот. текста М. Смолина // Москва. – 1998. – № 5. – С.176-192.
3. Ницше Ф. Странник и его тень / Ф. Ницше. – М. : REFL-book, 1994. – 398 с.
4. Берк Э. Размышления о революции во Франции / Э. Берк. – М. : Рудомино, 1993. – 144 с.
5. Фатенков А.Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личность? Апология экзистенциальной автократии / А.Н. Фатенков // Полис. – 2005. – № 2. – С. 158-171.
6. Солоневич И.Л. Белая Империя / И.Л. Солоневич. – М. : Москва, 1997. – 368 с.
7. Горегляд В.П. Послевкусие демократии / В.П. Горегляд // Родина. – 2002. – № 9. – С. 4-11.
8. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
9. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1965. Т. 7.
10. Иванников И.А. Проблема эффективности государственной власти в России / И.А. Иванников. – Ростов-на-Дону, 2004.
11. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. // Карлейль Т. Теперь и прежде. /Т. Карлейль. – М.: Республика, 1994. – 416 с.
12. Иванников И.А. Эффективность государственной власти в России: проблемы теории и практики / И.А. Иванников. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2004.
13. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 622 с.
14. Любашиц В.Я. Эволюция государства как политического института общества / В.Я. Любашиц. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦВШ, 2004. – 286 с.
15. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма. (Идеология и гуманистическое будущее России.) / Ю.Г. Волков. – М.: АНО РЖ «Соц.-гуманит. знания», 2000. – 160 с.
16. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. В 2 т. / Пер. с англ. 11-го изд. – М.: Республика. – 1992, т. 2. – 400 с.
17. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм / Е.Б. Пашуканис. // Избранные произведения по общей теории права и государства. – М. : Наука, 1980. – 270 с.

18. Hayek F. A. The road to Serfolom. Chicago. 1944 p.
19. Овчинников А.И, Тащиян А.А. Национальный вопрос в истории политико-правовой мысли: Учебное пособие по истории политических и правовых учений / А.И. Овчинников, А.А. Тащиян. – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2004.
20. Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Издательство “Логос” 1999. – 224 с.
21. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Юридический ин-т, 1998. – 256 с.
22. Пилипенко А.Н. Контроль деятельности исполнительной власти за рубежом / А.Н. Пилипенко // Журнал российского права. – 1998. – № 10/11. – С. 197-206.
23. Цицерон М.Т. О государстве. // О государстве. О законах. О страсти. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. / Пер. с лат. В.О. Горенштейна. – М.: Мысль, 1999.
24. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве: Лекции / Г.Ф. Шершеневич; Моск. О-во Нар. Ун-тов. – М.; Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 163 с.
25. Милушева Т.В. Законодательная, исполнительная и судебная власть: проблемы взаимодействия // Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект. / О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева; под ред. С. Ю. Наумова. – Саратов: ПАГС, 2003. – 200 с.
26. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев; Сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.
27. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Юшко А.В. Понимание права в системе юридического знания и государственно-правовом развитии России: монография. – Ростов н/Д : Изд-во: ЮФУ, 2009. – 302 с.
28. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь / Пер. с англ. В. Ионова. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 192 с.
29. Дугин А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М.: Аркогея, 2004. – 614 с.

УДК 342.413: 323.225

Мазурин С.Ф.*

РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА

Мазурин С.Ф. Российская демократия и политическая власть государства. – Статья. В представленной статье рассматриваются актуальные проблемы развития российской демократии.

---

* **Мазурин Станислав Фёдорович** – заведующий кафедрой административного права и процесса юридического института Санкт-Петербургского университета управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.